

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Значеніе нашихъ народныхъ былинъ неоспоримо. Благодаря такимъ изслѣдователямъ русской старины, какъ гг. Рыбниковъ, Кирѣевскій и др., былины стали достояніемъ всякаго грамотнаго человѣка, и не знать ихъ—значить не знать одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ русскаго народнаго пѣсеннаго творчества. При этомъ, надо замѣтить, всѣ извѣстныя былины имѣютъ по нѣскольку варіантовъ, и въ полномъ своемъ составѣ, для яснаго пониманія, требуютъ извѣстнаго навыка, такъ какъ языкъ былинъ по своему типиченъ, своеобразенъ и даже для непривычнаго уха довольно тяжеловатъ.

Приступивъ къ изданію былинъ, мы имѣемъ въ виду дать ихъ, прежде всего, въ доступной для всякаго формѣ, т. е. не измѣняя ихъ отличительнаго смысла и характера, нѣсколько переложить, обобщить, и потомъ, самое главное, иллюстрировать ихъ рядомъ исполненныхъ въ нѣсколько красокъ рисунковъ. Тутъ мы будемъ стараться, чтобы изданіе было полезно не только для всякаго любителя русской старины, но и было своего рода пособникомъ для учащагося, въ виду того, что подобныхъ изданій почти не существуетъ, а ежели и существуютъ, то—и по формѣ своей, и по своей цѣнности онѣ большинству рѣшительно недоступны.

Текстъ былинъ принадлежитъ перу г. Ив. Кузм. Кондратьева, рисунки—исполняются извѣстными нашими художниками.

Всѣхъ былинъ будетъ выпущено нами шесть, и вотъ ихъ названія:

1. Садко богатый гость.
2. Илья Муромецъ.
3. Добрыня Никитичъ.
4. Богатырь Святогоръ.
5. Микула Селяниновичъ.
6. Алеша Поповичъ.

По выпускаемой нынѣ въ свѣтъ первой былинѣ, «Садко богатый гость,» читатели могутъ судить и о будущихъ выпускахъ. Мы не говоримъ о безукоризненности своего изданія—это было бы слишкомъ смѣло—но мы обѣщаемъ выпускать изданіе по возможности изящно.

Цѣна каждому выпуску, въ которой, кромѣ текста, обязательно войдетъ шесть большихъ во всю полосу ін-кварто, рисунковъ, въ отдѣльной обложкѣ, назначена нами самая умѣренная: два рубля съ пересылкой и доставкой. Все изданіе стоитъ девять руб. съ пересылкой.

Выпуски будутъ слѣдовать одинъ за другимъ безпрерывно. Получать изданіе можно во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и—преимущественно—у издателя Павла Петровича Щеглова: Москва, Большая Полянка, д. Добровольской. Только при требованіи былинъ отъ самого издателя отвѣчается за своевременную и аккуратную высылку изданія.

САДКО

Востань гость Новгородский

ЗАПѢВКА.

И, вы, гусли, мои гусли—
Легкія да тонкія!
Ой, вы, гусли—мои мысли—
Крѣпкія да звонкія!
Ой, вы, гусли—мои мысли—
Стану я играти!
Стану я на гусяхъ мысляхъ
Хлѣба добывати!

Какъ великъ-то Новгородъ:
Не охватишь окомъ,
И богатствъ въ немъ не мало,
Вольномъ да широкомъ!
Гой, ты людъ, честной, удалый,
Погуляй побалуи:
Ты послушай гуслей-мыслей—
Грошикомъ пожалуй!

Гой, вы, пѣсни—мои гусли—
Встаньте спозаранку,
Да потѣшите, разуважьте
Красну горожанку!
Гой, вы, пѣсни—мои мысли—
Лейтесь, бейтесь градомъ!
Подари меня, голубка,
Не грошомъ такъ взглядъ мѣ!

Ой, вы, гусли, мои гусли—
Легкія да тонкія!
Ой, вы, гусли—мои мысли—
Крѣпкія да звонкія!
Ой, вы, гусли—мои мысли—
Стану я играти!
Стану я на гусяхъ-мысляхъ
Хлѣба добывати!

И.

Въ Новогородѣ богатомъ,
Что богатомъ, тароватомъ,
Жиль гусярь простой.
Все богатство—гусли звонки,
Все богатство—струны тонки,
Да армякъ худой.

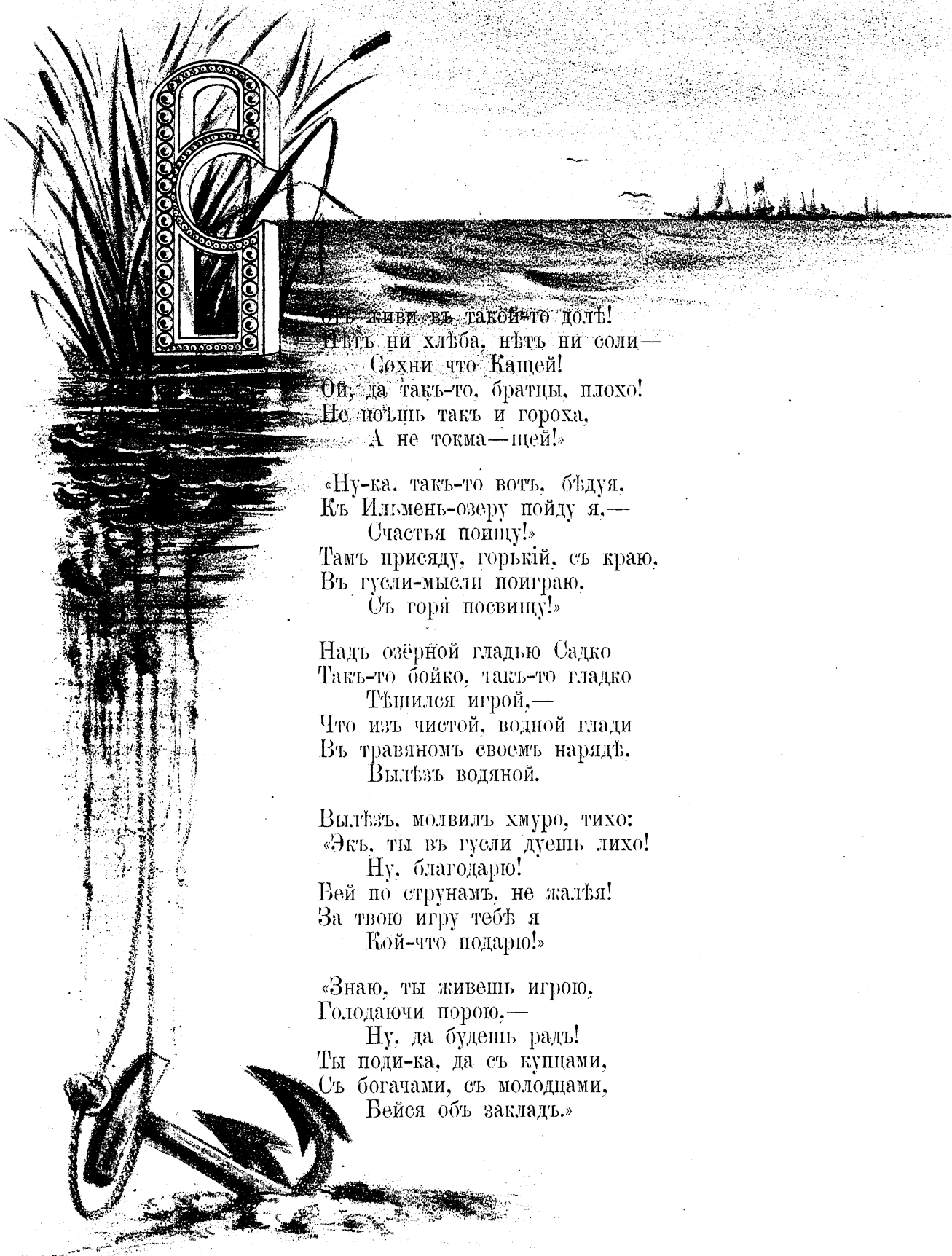
Только гусли и кормили,
Только гусли и поили
Горе-гусяря.
Спаль гусярь на чемъ попало,
Ѣль, что въ ротъ перепало,
А игралъ—съ утра.

Скомороха Садкой звали,
Горемыкой величали—
Не великъ изьянь.
Садко ходить да играетъ,
И—случается—не знаетъ,
Гдѣ напился пьянь.

То—подъ часъ—напьется важно,
И раскинется вальяжно
Гдѣнибудь въ углу.
То—подъ часъ—бородку гладить,
И къ боярскому подсядетъ
Жирному столу.

Такъ-то жилъ, вальяжилъ Садко,
Жиль не горько и не сладко,
Жиль—не гореваль.
Сладко ѣлось—Бога славиль,
Горько—грошь ребромъ свой ставиль—
Горе запиваль.

Только разъ пришла забота:
Не спорилася работа—
Не зовутъ играть.
День, другой, три дни проходятъ—
Безъ алтына Садко бродить,
Сталь онъ горевать.

«... живи въ такой-то долъ!
Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли—
Сохни что Кащей!
Ой, да такъ-то, братцы, плохо!
Не поѣшь такъ и гороха,
А не токма—щей!»

«Ну-ка, такъ-то вотъ, бѣdua,
Къ Ильмень-озеру пойду я,—
Счастья поищу!»
Тамъ присяду, горькій, съ краю,
Въ гусли-мысли поиграю,
Съ горя посвищу!»

Надъ озёрной гладью Садко
Такъ-то бойко, такъ-то гладко
Тѣшился игрой,—
Что изъ чистой, водной глади
Въ травяномъ своемъ нарядѣ,
Вылѣзъ водяной.

Вылѣзъ, молвилъ хмуро, тихо:
«Экъ, ты въ гусли дуешь лихо!
Ну, благодарю!
Бей по струнамъ, не жалѣя!
За твою игру тебѣ я
Кой-что подарю!»

«Знаю, ты живешь игрою,
Голодаючи порою,—
Ну, да будешь радъ!
Ты поди-ка, да съ купцами,
Съ богачами, съ молодцами,
Бейся объ закладъ.»

«Бейся ты о томъ, что ты-то
Хоть въ дырявое корыто,
Новгородцамъ въ даръ,—
Изловить пойдешь въ озёрахъ
Трехъ рыбешекъ красноперыхъ—
Золотыхъ, какъ жарь.»

Молвилъ такъ-то царь подводной—
И въ своей странѣ холодной
Онъ, нырнувъ, пропаль.
Почесалъ за ухомъ Садко—
И, промолвивъ: «вона, натко!»
Въ городъ зашагалъ.

Тамъ давно ужъ Садку ждали.
За убранный столъ сажали—
Поиграть, пошѣтъ.
Садко пѣлъ, игралъ съ отвагой,
Запивалъ пѣсни брагой,
Да и сталъ хмѣлѣть.

Во хмѣлю расхвасталъ Садко:
«У меня своя ухватка!
Новгородцамъ въ даръ,
Изловлю я на озёрахъ
Трехъ рыбешекъ красноперыхъ—
Золотыхъ, какъ жарь!»

Садку купчики журили:
«Что ты врешь-то! говорили,—
Нѣтъ такихъ-то рыбъ!»
Говорили всей гурьбою:
«Объ любой закладъ съ тобою
Биться мы могли-бъ!»

«Ну, такъ бейтесь, не толкуя!
Подъ закладъ кладу башку я,
Вы же—свой товаръ!
Ужъ поймаю на озёрахъ
Я трехъ рыбокъ красноперыхъ—
Золотыхъ, какъ жарь!»

«Экой парень ты хвастливый!
Рыбъ тѣхъ чудныхъ—будь счастливый—
Ты поймай-ка, ну!»
И поймалъ тѣхъ рыбокъ Садко:
Взялъ закладъ—и мѣрить кадкой
Сталъ съ тѣхъ поръ казну.

II.

ая по морю, по приволью,
По широкому раздолью—
Корабли плывутъ.
На моряхъ бывали, стары,
Корабли тѣ все товары
Садкины везутъ.

Только вдругъ взбурлило море,
Разыгралось на просторѣ,
Мечется реветъ,
И реветъ, и бьетъ, и снасти
Корабельныя на части,
Словно тряпки, рветъ.

Садко впалъ въ велико горе:
«Знать, не даромъ злится море!
Экая бѣда!
Въ томъ виновенъ я—не спорю:
Не платилъ я дани морю,
Братцы, никогда!»

«Заплатить бы дань хоть нынѣ!
Молвить онъ своей дружинѣ,—
Ну-ка, молодцы,
Киньте въ море, не жалѣя,
Вона тѣ, что тяжелѣе,
Съ золотомъ ларцы!»

И, по Садкину почину,
Тѣ ларцы летятъ въ пучину—
Всякъ ко дну идетъ.
Только море, зная, не хочетъ
Дани той—кипитъ, клокочетъ,
Пуще все гудѣтъ.

Садко впаль опять въ кручину:
«Знать, иную дань въ пучину
Надобно швырнуть.
Головы, знать, хочеть море:
Ужь кому нибудь, безъ спора,
Надо потонуть.»

«Намъ не стать перекоряться!
Ну-ка, кинемте мы, братцы,
Наши жеребья.
Коль изъ васъ кому Богъ судить
Данью быть—такъ тотъ и будетъ,
Мнѣ—такъ буду я.»

Жеребья кладуть всё въ шапку,
Садко шапку взялъ въ охапку—
Кинулъ на волну.
Жеребья всёхъ вѣтеръ гонить,
Всѣхъ плывуть, лишь Садкинъ тонеть—
И пошелъ ко дну.

«Знать, съ моимъ,—онъ молвилъ,—златомъ
Въ Новгородѣ богатомъ
Мнѣ уже не быть!
Ой, не быть мнѣ! знаю, чую!
И въ сторонѣшку родную
Безъ меня вамъ плыть!»

«Безъ меня вамъ плыть, ребята!
Вотъ она стоитъ лопата—
Дайте ее мнѣ!
Я на ней сѣдьё устрою,
И возьму всего съ собою
Гусельки однѣ!»

И спустили Садку въ море.
Поплылъ Садко на просторѣ,
Поплылъ—и пропалъ.
Море словно бы устало—
Стихло вдругъ, и ровно стало,
Смолокъ за валомъ валъ.

«У меня своя ухватка!»
И хватилъ по гуслиамъ Садко
Со всего плеча.
Дрогнуль царь морской, суровый,
И на лавкѣ на дубовой
Подскочилъ, крича:

«Не скажу словца худова:
Бьетъ по струнамъ онъ бѣдово!
Молодецъ, хвалю!
Экъ, выводитъ тары-бары!
Такъ, пожалуй, самъ я, старый,
Пляску откалю!»

«И отколешь! мыслить Садко,—
У меня своя ухватка!
Ну-ка, братъ, постой!
Мы лихи по великимъ мѣрамъ!
Вотъ хвачу другимъ манеромъ
Танецъ не простой!»

И хватилъ на всѣ на воды...
Прыгнуль царь длиннобородый—
И пустился въ плясъ,
Точно съ ногъ свалились путы.
«Ну! кричить,—валяй во всю ты,
Тѣшь ты волю насъ!»

«Что-жъ, играть ходчѣй не прочь я!
Изорву всѣ гусли въ ключья,
Только повели!»
Струны грянули у Садки...
Пляшетъ царь во всѣ лопатки,
И кричить: «вали!»

Пляшетъ царь, моргаетъ глазомъ,
То топчется, то разомъ
Какъ-то къ полу льнетъ.
То какимъ-то фертомъ ходитъ,
То, вертясь, плечомъ поводитъ,
То ногой вильнетъ.

III.

а морскихъ пучинахъ черныхъ
Ходить много рыбъ проворныхъ,
Много есть чудесъ.
Рыбы-змѣи тамъ крылаты,
Тамъ изъ раковинъ палаты,
Тамъ—изъ камней лѣсъ.

Но изъ всѣхъ чудесъ есть чудо:
Есть тамъ весь изъ изумруда
Блещущій дворецъ.
Тамъ самъ царь живетъ богато...
Затесался вотъ туда-то
Садко, нашъ купецъ.

Царь зѣвнулъ довольно сладко,
Увидавъ съ гуслями Садко:
«Ну, здоровъ ли, другъ?
Много, братъ, тобой нажито
Добраца, да только ты-то
На расплату тутъ.»

«Не платилъ ты дани мнѣ-то!
Вотъ, теперь, хвати за это
По своимъ гуслямъ!
Я тебя, братъ, не пужаю!
Я игру лишь уважаю—
Власть игра, братъ, намъ!»

«Поиграй-ка, гостилъ мудрый!»
Садко черны свои кудри
Отмахнулъ съ лица.
«Поиграть? Ну, что-жъ, не прочь я!
Разнесу всѣ гусли въ ключья
Для тебя, отца!»

орода цѣпляеть ухо,
Раскачалось бочкой брюхо,
Вертятся бока.
Всѣ—и власти и не власти—
Вдругъ зафыркали отъ сласти,
Но пока слегка.

Вмѣстѣ съ ними и царица,
Черноока, бѣлолица,
Хороша, мила,
Въ душегрѣйкѣ алой, новой.—
Отъ игры такой бѣдовой
Ручкой повела.

Садко пуще струны ключеть,
Пуще царь морской топочеть—
Теремъ задрожать...
Точно падаютъ хоромы...
Прокатились всюду громы—
Всколыхнулся валь.

Косовито брови хмуря,
Садко мыслить: «будеть буря!
Вурю-ль я зову!
Корабли порветъ на части...
Семь-ка я—не быть напасти—
Струны оборву.»

И порваль—какъ бы озлился...
Въ пляскѣ царь остановился
Съ поднятой ногой.
Было это не пригоже...
Крикнуть царь: «Да это что же,
Гостикъ дорогой?»

«Говори: что это значить?
Иль ты вздумалъ насъ дурачить?»
Садко—гость—въ отвѣтъ:
«Какъ мнѣ смѣть! Ты, царь, не злися:
Видишь, струны порвалися,
А другихъ-то нѣтъ.»

«Ну, на первый разъ прощаю,
Да еще поугошаю—
Нравъ свой тѣшь въ гульбѣ!
Да люблю, другъ крещёный,
Изъ моихъ царевенъ въ жены
Выбирай себѣ.»

IV.

Влещутъ царскія хоромы—
По стѣнамъ коралловъ комы
Длинно виснуть въ рядъ.
Жемчуговъ повсюду груды,
И повсюду изумруды
Зеленью горять.

Окна всѣ изъ бѣлой пѣны,
Обвиваетъ всюду стѣны
Водорослей лѣсъ.
Что ни шагъ—то злата глыбы,
Что ни шагъ—то чудо-рыбы
Средь другихъ чудесъ.

Столъ поставленъ изъ жемчужинъ
Средь хоромъ, на немъ же ужинъ
Для царя готовъ.
Съ Садкой царь за столъ садится.
«Можешь, братецъ мой, напиться
На десять годовъ!»

Передъ ними-жъ, скромно стоя,
Плечи, грудь тафтами кроя,
И потупивъ взглядъ,
Точно пѣной налитыя,
Всѣ царевны молодыя
Помѣстились въ рядъ.

ѣчь повель тутъ царь, хмѣлѣя:

«Ну, бери ту, что милѣ!»

Садко глядь назадъ—

За спиною старецъ древень:

«Не бери ты изъ царевень

Женки себѣ, братъ.»

«Плюнь на эту ты ораву...

Дѣвку ты возьми Чернаву...»

Молвить—и ушелъ.

Садко рѣчи той послушалъ,

Бражки выпилъ, власть покушалъ.

Самъ тутъ рѣчь повель:

«Не хочу жены я знатной,

Прихотливой, деликатной!

Часомъ подопью,—

Во хмѣлю я буйный малый,—

Такъ жену свою, покалѣй,

Ни за что побью.»

«Простота мнѣ, царь, по нраву...

Дѣвку грязную—Чернаву—

Въ жены ты мнѣ дай.

Съ ней сживусь я, и полажу,

То пугну, то разубажу,

Вотъ какъ—черезъ край!»

«Что мнѣ въ пышной, важной женкѣ?...»

И на простенькой дѣвченкѣ

Садку царь женилъ.

Онъ женилъ помимо дочекъ,

И казною въ сорокъ бочекъ

Садку наградилъ.

Пиръ опять пошелъ горою:
Пьютъ всѣ, тѣшатся игрою,
    Простятъ Садку пѣть.
Садко пѣлъ, плясалъ съ женою
А потомъ, порой ночью,
    Повели ихъ въ клѣть.

Вдругъ опять старикъ явился,
Къ уху Садки наклонился,
    Тихо говорить:
«Ты жены своей убогой,
Садко—слишишь ли—не трогай,
    Пусть спокойно спить.»

Садко рѣчи той послушалъ,
Снова выпилъ и покушалъ
    Точно на убой.
Легъ, затѣмъ, поднявши воротъ...
Спать... Проснулся—Новгородъ
    Видитъ предъ собой.

Вкругъ повель онъ, съ дива, окомъ,
Поглядѣль... а надъ широкимъ
    Волховомъ-рѣкой,
Какъ раскиданныя точки,
Все лежатъ боченки, бочки
    Съ золотой казной.

А на тихомъ, синемъ морѣ,
На приволѣ, на просторѣ—
    Видитъ онъ—вдали,
Все его-то, гостя Садки,
Нагруженные, въ порядкѣ,
    Идутъ корабли.

И. Кондратьевъ.

